

А. М. ИВАНОВ

КНЯЗЬ МИРА СЕГО

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2023

УДК 82
ББК 84
И20

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Иванов, А. М.

И20 Князь мира сего. — М.: Тотенбург, 2023. — 218 с.

ISBN 978-5-9216-2416-0

Эта работа была написана в 1988 году, но выходит в свет только сейчас. Анатолием Михайловичем Ивановым проделана огромная работа по анализу сатанизма как в русской, так и мировой литературе. Написанная искрометным языком, эта книга, несомненно, занимает почетное место в литературном, философском и исследовательском плане. А личный взгляд автора не только на упоминаемые произведения, но и на авторов, их написавших, заслуживает особого внимания.

**УДК 82
ББК 84**

ISBN 978-5-9216-2416-0

© А. М. Иванов
© Издательство «Тотенбург», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
КНЯЗЬ МИРА СЕГО.	
САТАНИЗМ В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	15
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.	
ПОСЛЕДНЕЕ ПРИСТАНИЩЕ.....	17
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.	
ПРОДАННЫЕ ДУШИ	71
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.	
ПЕРВЫЙ БУНТАРЬ.....	116
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.	
ЭМИССАРЫ ДЬЯВОЛА	176

ВВЕДЕНИЕ

Эта работа была написана в 1988 году, то есть в прошлом веке, а мое мировоззрение прошлого века коренным образом отличается от нынешнего, заявку на которое я подал в предисловии «Мое место в каталоге» к сборнику моих работ. Это работы прошлого века, а я тогда стоял на позициях абсолютного дуализма зороастрийского типа. Я, по сути, принимал за аксиому тот тезис, что монотеизм — это высший уровень развития религиозной мысли, но идея абсолютного, всемогущего и всеблагого Бога, управляющего миром, много отвергалась — тот мир, который мы имеем, никаким единым Богом явно не управляется. Иван Карамзев не отрицал Бога, он только мира его не принимал. Я тоже Бога не отрицал, но считал его власть ограниченной, — у Бога должен быть минимум один равносильный противник.

Поэтому подзаголовок к этой работе «Сатанизм в мировой литературе» предполагал наличие такого противника. В его существование Сатана рекомендовал поверить Берлиозу, заведомо зная, что тот попадет под трамвай.

С этого эпизода начинается роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Роман этот дуалистический, эпизоды из современной жизни перемежаются с описанием последних дней Христа и событий, происшедших после его казни. Но если Христос сидит потом в своем Небесном граде и в земные дела не вмешивает-

ся, то Дьявол, наоборот, делает это весьма активно, что наводит на мысль о бессилии Добра в нашем мире, а Дьявол действительно Князь мира всего.

И Булгаков понял, что в несчастьях следует звать именно к Нему, никакой Бог не поможет. Поэтому его Мастера не сочли «достойным света», но он заслужил лучшую награду, чем этот бесплотный свет, — вечный земной рай со своей любимой Маргаритой.

Первую главу моей книги, посвященную роману Булгакова, я начинаю с описания дуалистических ересей, особенно много внимания уделяя манихейству. Но манихейский дуализм, как и христианский, это дуализм Земли и Неба. Если зороастризм еще продолжал сражаться со Злом на земном уровне (и сражаясь с ним, в конечном итоге сам стал Злом), но Мани, как и Христос, уводил людей от борьбы в Царствие Небесное, как, кстати, и Будда, только у него Царствие Небесное называлось Нирваной.

Роман Булгакова проникнут глубочайшей верой в то, что силы Зла действительно могут творить Добро. К этой вере его подвели события его собственной жизни. Затравленный бандой еврейских критиков, он обратился к советскому правительству с просьбой выпустить его из страны. Но 19 апреля 1930 года ему вдруг позвонил Сталин. Впрочем, не вдруг. Это произошло через пять дней после самоубийства Маяковского. Сталин забеспокоился: не наложил бы и Булгаков на себя руки, скажут, в государстве Сталина писатели пачками стреляются. Но у Булгакова этот звонок породил напрасные иллюзии, он подумал, что отныне будет пользоваться поддержкой Сталина; он не знал, насколько непо-

стоянен Сталин в своем благоволении. Но тогда-то у Булгакова и зародилась мечта о «добром Дьяволе».

Вторая часть работы, «Проданные души», посвящена прежде всего анализу гетевского «Фауста», с которым роман Булгакова постоянно сравнивают. Должен сразу сказать, что этот анализ резко отличается от наиболее распространенных мнений. Цитируются источники, народные легенды о Фаусте, и ставится вопрос, что сделал из них Гёте и с какой целью.

Гёте раздражался, когда к нему приставали с вопросом, какая идея воплощена в «Фаусте». Он утверждал, будто никакой общей идеи в нем нет, а я убежден, что она есть, притом не такая хорошая, как Гёте пытался представить, и толкуется она и понимается сплошь и рядом неверно.

Почему ангелы в конечном счете вырывают душу Фауста из лап Мефистофеля? Потому что его жизнь «прошла в стремлениях». Каких, спрашивается? Точка зрения Гёте состоит в том, что человеку, действующему во имя некоей «великой цели», все дозволено, ему можно простить все, вплоть до сделки с Дьяволом. Вот и вся нехитрая идея.

Во второй части «Фауста» этот герой стремится отвоевать у моря часть суши и велит строить канал, загубив при этом много «бедной братии батрацкой», а его подручные убивают безобидных стариков Филемона и Бавкиду, потому что они раздражали Фауста. В этом контексте его предсмертный бред о «народе свободном на земле свободной» звучит издевательством над истиной и над людьми.

В этой же главе говорится о другом Фаусте, о романе Т. Манна «Доктор Фаустус». Сам автор на-

зывает это произведение «романом о Ницше», и в нем использованы отдельные эпизоды из жизни Ницше, но фактически это клевета на Ницше. В нем дьявол, соблазняя композитора Адриана Леверкюна, говорит о патологическом происхождении гениальности, словно цитируя Ломброзо, он награждает Леверкюна дурной болезнью (которой у Ницше никогда не было), рекламируя ее как стимул гениальности. На самом деле патологический интерес ко всякого рода патологиям проявлял сам Т. Манн, о чем можно судить и по ряду других его произведений, таких как «Тонио Крёгер» и «Смерть в Венеции».

Польский еврей, писатель-фантаст С. Лем обрушился на Т. Манна за этот роман, ему померещилось в нем «облагораживание фашизма», но это тоже патология, сугубо еврейская, — выискивать «фашизм» везде, где его и в помине нет.

Глава III называется «Первый бунтарь». Ее тема — Дьявол и революция. Революционеры увидели в Дьяволе своего предшественника и прониклись к нему симпатией. Пример подал Дж. Мильтон в своем «Потерянном рае». Его считают правоверным пуританином, но на самом деле истинным героем его поэмы является Сатана, описанный в ней наиболее ярко.

Люцифер, каким он выведен в мистерии Байрона «Каин», очень напоминает мильтоновского Сатану. Он проповедует относительность Добра и Зла, не хочет, чтоб его считали злым духом, «Злом не называйте, когда источник Зла неведом вам», но странным образом, совсем по-манихейски, разделяет телесный и духовный миры и призывает уходить из первого во второй, то есть в Царствие Небесное.

Русским последователем Байрона считают Лермонтова, хотя он сам говорил, что он другой, но его Демон вышел у него каким-то дряблым, колеблющимся, прямо-таки небесным Гамлетом. Но Лермонтов не раз менял редакцию своей поэмы, он начал писать ее в 15 лет, когда взгляды у него, естественно, были еще не устоявшимися. Гораздо более четко его мировоззрение выражено в его менее популярной поэме «Ангел смерти», о чем я писал позже в моей работе «Не Богом единым...»

Традицию задавать небесам каверзные вопросы продолжил в русской литературе не Лермонтов, а Достоевский. Он проповедовал смирение, но истерические нотки в его проповеди подтверждают мнение Л. Толстого, что он учил тому, во что сам не верил, он пытался заглушить свои сомнения, но не мог. Голоса его отрицательных героев звучали гораздо сильнее и убедительнее, чем голоса положительных. Это прежде всего относится к бунту Ивана Карамазова.

Иван подтверждает свои мысли «Легендой о Великом инквизиторе». В этой Легенде выразилась непонятная, прямо-таки патологическая ненависть Достоевского к католицизму, которую не одобрял не только В. Соловьёв, но также К. Леонтьев и М. О. Меньшиков. Он объявил католицизм скрытым сатанизмом, христианством, поддавшимся третьему дьяволу исключению. Великий Инквизитор высказывает у Достоевского ту же ложную идею, будто есть какая-то потребность в общности поклонения. Нет такой потребности, а есть еврейское, точнее общесемитское, стремление навязать своего Бога всем прочим народам.

Черт, присланный Достоевским Ивану Карамазову, проповедует ту же идею Вечного Возвращения, с которой носился Ницше, к этой концепции пришел и А. Франс. Но в своем антихристианском романе «Восстание ангелов» он не нашел ничего лучшего, чем отождествить античных богов с бесами, Франс только переменяет отрицательный знак на положительный. От античных богов отмежевывался даже гетевский Мефистофель, что наводит на мысль о некоем плюрализме в метафизической сфере.

Сатана у А. Франса отказывается снова восставать против Бога, увидев во сне, будто он, победив, превратился в такого же деспота, как Яхве. Похоже, и в вышеупомянутой метафизической сфере действует закон циркуляции элит В. Парето. Впрочем, древняя мудрость Гермеса Трисмегиста гласит: «Что внизу, то и наверху».

Последняя глава, «Эмиссары Дьявола», посвящена уже не певцам сатанизма, а его теоретикам. В начале главы отмечается, что накануне больших общественных потрясений в обилии появляются разные оккультные учения и лжепророки — так было в начале XX века накануне революции, так же было в 80-х годах накануне контрреволюции. Особого внимания заслуживает армянский грек Г. Гурджиев, который учил, что люди — это машины, управляемые из разных миров, и ни один из этих миров не заинтересован в эволюции человека, наоборот, они всячески ей противятся, так что ни на какого Бога уповать не приходится.

Наследником Гурджиева можно считать Раджниша, выходца из семьи джайнов. Это один из мно-

гих необыкновенно расплодившихся на Западе, да и у нас, разносчиков вульгарной и извращенной индийской религиозной мудрости. Одной из первых открыла эту жилу Е. П. Блаватская (фон Ган-Роттенштерн), основавшая в 1875 году Теософское общество. Теософия тесно переплетена с масонством. Учение Блаватской о Добре и Зле воспроизводит у Булгакова Воланд в своем разговоре с Левием Матвеем. У Блаватской падшие ангелы это наши спасители. Печально, что у нас увлекался Блаватской Доброслав (А. Добровольский). Ученик Блаватской Р. Штейнер много сделал для разложения русской интеллигенции. Для вящего смущения умов он разделил Дьявола надвое — на Люцифера и Аримана. Люцифер у него действует в сфере эмоций, страстей; он подступает к мужчине через женщину. Всякое обращение к силам прошлого есть призывание Люцифера. Но в конечном счете у Штейнера оказывается, что возрожденный Люцифер это и есть Святой Дух. Ариман же — это холодный и только мудрый дух, техническая цивилизация с ее грандиозными достижениями — его рук дело, но она грозит людям душевной смерти.

Далее в этой главе говорилось о некоей «третьей силе», титанах, противостоящих и Богу, и бесам. Я взял эту идею у Д. Андреева, но позже от нее отказался.

Развивал идеи Блаватской Н. К. Рерих, как отмечает французская исследовательница М. Ларюэль в своей монографии «Арийский миф и имперская мечта в России XIX века», выходец из потомственной масонской семьи. В своих насквозь промасоненных «Цветах Мории» он провозглашал: «Зла нет...

Князя тьмы и демонов нет», — а в его «Древних легендах» и «Современных легендах» рассказы о якобы существовавших древних расах целиком собраны у Блаватской. А лозунг его Агни-йоги: «Нашедшему огонь говорю — все дозволено». Далее речь шла о разного рода планетарных влияниях, в частности, о влиянии планеты Сатурн. У Платона золотой век Кроноса, сиречь Сатурна, это век насильственного насаждения добродетели — типично сатанинский идеал, за ним уже маячит тень Великого Инквизитора, но как верить греку, даже если он Платон? Эллины в Греции были захватчиками, Олимп захватила банда их богов во главе с «паханом» Зевсом и божественным «киллером» Аполлоном, специалистом по рейдерскому захвату чужих святилищ. В Греции Кронос был оклеветан, а в Италии бежавший туда Сатурн сплотил в государство дикие латинские племена, причем «мирно и кротко правил народами бог», и его век заслуженно вспоминали как золотой, и Вергилий с гордостью называл Италию «землей Сатурна» и предрекал возврат Золотого века Сатурна. Он называл Италию «великой матерью урожаев» — и у нас в прошлом году был рекордный урожай — и «матерью мужей» — и наши воины доказывают сегодня это качество на Украине. Говорят, Россия тоже находится под властью Сатурна. Так, может, не стоит этого пугаться? Может, это, наоборот, знак надежды?

15.1.2023

Князь мира сего

Первая глава книги, «Последнее пристанище», целиком посвящена анализу романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в том варианте, в каком он был наконец напечатан у нас в конце 60-х годов. Этот вариант был написан в те годы, когда у Булгакова промелькнула надежда на покровительство Сталина и у него возник образ Дьявола, творящего Добро и карающего негодяев. В результате получилась некая апология Дьявола, что отнюдь не могло быть целью Булгакова.

Вторая часть книги, «Проданные души», посвящена двум «Фаустам», Гёте и Т. Манна. Анализ «Фауста» Гёте идет вразрез с наиболее распространенным его толкованием. В основе его творения лежит вредная, по моему мнению, идея, и я постарался ее должным образом обосновать.

«Доктор Фаустус» Т. Манна считается романом о Ницше. Но Т. Манн, используя отдельные эпизоды из биографии великого философа, совершенно исказил его образ. Никакого договора с Дьяволом Ницше, во всяком случае, не заключал, а что касается самого Т. Манна, то в этом уверенности нет.

Третья глава книги, «Первый бунтарь», наиболее многолюдна. Революционеры разных мастей почувствовали в Дьяволе родственную душу. Началось это с Английской революции и великого поэта Дж. Мильтона (более ранняя по времени Нидерландская революция получила своего певца позже в лице сатаниста де Костера). Милтон считается правоверным пурита-

нином, но на самом деле истинным героем его поэмы «Потерянный рай» является Сатана, выписанный очень ярко. Мильтон блестяще выполнил свою «сверхзадачу»: под видом критики — воспеть.

Байрону в отличие от Мильтона уже не приходилось стесняться в выражении симпатий к Люциферу и Каину. Его мировоззрение было дуалистическим, манихейского типа.

Лермонтов, русский подражатель Байрона, в этом плане не достиг высот. Его знаменитый Демон получился бледноватым, колеблющимся. Лермонтов несколько раз менял редакцию своей поэмы. Он одно время, как и Булгаков, тщетно надеялся на благоволение властей, отсюда и колебания его Демона.

У Достоевского в роли бунтаря выступал Иван Карамазов. Достоевский истерически призывал к смирению, но, как верно отметил Л. Толстой, сам не верил в то, что проповедовал, отсюда и его истерические вопли. К Ивану Карамазову он подослал черта — «ибо всякий бунт от черта», — но не смог убедить его не бунтовать, потому что сам в глубине души был солидарен с этим бунтарем.

В роли откровенного сатаниста выступал в своем «Восстании ангелов» А. Франс, но и его Сатана оказывается таким же слабаком, как и лермонтовский Демон, — он отказывается снова бунтовать, потому что победивший Сатана превратился бы в такого же деспотичного бога, как и библейский Яхве.

Последняя глава книги «Эмиссары Дьявола» посвящена главным теоретикам сатанизма. Самым откровенным и знающим среди них был Г. Гурджиев,

двое других маскировались — Р. Штейнер прикрывал свое учение христианством, Н. К. Рерих прятал под буддизмом густопсовую масонщину, но что за христианство мы находим у Штейнера, если у него Святой Дух это возрожденный Люцифер, и какой буддизм у Рериха, если в его «Агни-йоге» основное правило высокой морали: «нашедшему огонь говорю — все дозволено»? Что означает этот лозунг — читайте у Достоевского.

КНЯЗЬ МИРА СЕГО

САТАНИЗМ В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Но Князь, почему тут Князь?
И что такое, наконец, Князь?

Ф. М. Достоевский
«Идиот»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИСТАНИЩЕ

Когда я в бурном море плавал,
И мой корабль пошел ко дну,
Я так воззвал: «Отец мой, Дьявол!
Спаси, помилуй, я тону».

Ф. Сологуб

Разочарованный поражением европейской революции 1848 года, Герцен дошел в своем отчаянии до того, что написал такие строки: «Сознание бессилия идеи, отсутствия обязательной силы истины над действительным миром огорчает нас. Нового рода манихеизм овладевает нами, мы готовы, с досады, верить в разумное (то есть намеренное) зло, как верили в разумное добро»¹.

Разумеется, Герцен, как и положено матерому материалисту, пугался подобных мыслей, как христианин бесовского искушения, но, будучи честным человеком, не мог не сознаться, что они все же приходили ему в голову. Похоже, даже одолевали, как он их ни отгалкивал. Называл он этот образ мыслей, на западный манер, манихеизмом — у нас принято говорить «манихейство». Почему именно так, а не иначе?

Немалое внимание уделил этой религии в своем изданном у нас недавно учебнике для начинающих сатанистов советский фантаст Еремей Парнов. Ему, правда, почему-то не нравятся истины, которые

¹ Герцен, А. И. Былое и думы. Сочинения. Т. 5. — М., 1956. — С. 376.

проповедовали манихеи: любовь к ближнему, аскетизм, христианская добродетель, он презрительно называет их «набившими оскомину», но зато он на каждой странице блистает эрудицией и знанием предмета. Например, о продолжателях дела манихеев в средневековой Европе, катарах, он пишет, что их «учение окончательно уравнило в правах бога света... с богом тьмы»².

Надо же, какую длительную борьбу за свою эмансипацию пришлось вести несчастному «богу тьмы»! Неужели он до XII века оставался в загоне?

Разумеется, нет. Еще древнеиранский пророк Заратустра провозгласил изначальную противоположность добра и зла: «Воистину, есть два первичных духа, близнецы, славящиеся своей противоположностью. В мысли, в словах и действии — они оба, добрый и злой... Когда эти два духа схватились впервые, то они создали бытие и небытие... И вот из этих двух духов один, следующий лжи, выбрал зло, а другой — дух святейший, облаченный в крепчайший камень, выбрал праведность»³.

Заратустра говорил о двух непримиримых, противоборствующих началах и призывал людей, которым дарована свобода выбора, встать на сторону добра, однако употребленное им слово «близнецы» породило впоследствии ересь зерванитов, объявивших доброго и злого духов братьями и детьми бесконечного времени — Зервана. Тем самым, как пишет Мэри Бойс, они исказили основную идею Заратустры, утверждавшего, что добро и зло совершенно обособлены и отличны и по своему происхождению,

² Парнов, Е. Трон Люцифера. — М., 1985. — С. 63.

³ Бойс, Мэри. Зороастрийцы. — М., 1987. — С. 29.

и по своей природе⁴. Именно зерваниты за тысячу лет до катаров возвели злого духа на уровень бога⁵. Из зерванизма вырос митраизм⁶, получивший впоследствии столь широкое распространение в Римской империи. Из древнего арийского бога Митры сделали посредника между Ормуздом и Ариманом⁷, то есть между добрым и злым началами зороастрийской религии. По свидетельству Плутарха, Митра «научил людей приносить жертвы и Ормузду, и Ариману»⁸, и не случайно в митраистских храмах встречается почитательная надпись «богу Ариману»⁹.

Слово «близнецы» вызвавшее столько недоразумений, появилось у Заратустры не случайно. Погибший в войну советский этнограф А. М. Золотарёв исследовал встречающийся у многих народов близнецный миф и выводил дуалистическую космогонию из дуальной организации первобытных племен. Он находил, в частности, сходство между зороастрийскими верованиями и космогоническими мифами индейских племен Северной Америки, особенно кахуилла и ирокезов¹⁰. Аналогичным образом известный французский историк Ж. Дюмезиль связывал трехчленную организацию общества у индоевропейских народов с трехфункциональным разделением сфер влияния между богами арийского пантеона. На подобных основаниях обычно строятся тео-

⁴ Там же, с. 86.

⁵ Petrement, Simone. Essai sur le dualisme chez Platon, les gnostiques et les manichéens. — Paris, 1947. — P. 324.

⁶ Ibid, p. 327, 328.

⁷ Belardi, W. Studi mithraici e mazdei. — Roma, 1977. — P. 113.

⁸ Hartman, S. Gayomart. — Uppsala, 1953. — P. 69.

⁹ Petrement S. Op. cit., p. 324.

¹⁰ Золотарев, А. М. Родовой строй и первобытная мифология. — М., 1964. — С. 160.

рии о том, что отношения между небожителями — всего лишь фантастическое отражение отношений между людьми. Дискуссии на эту тему напоминают вечный спор о том, что было раньше — курица или яйцо, то ли о небесной жизни рассказывали по земному шаблону, то ли земной подгоняли под небесный. Но сейчас речь не об этом, а о том, что слово «близнецы» могло попасть к Заратустре по традиции, из каких-то более ранних, примитивных верований, точно так же, как в теорию переселения душ вписались сказки о превращении людей в животных, так что искажение учения Заратустры опиралось, по сути, не на авторитет пророка, а на недочищенные им остатки старой веры. Между прочим, у мормонов мы тоже встречаем нечто вроде близнечного мифа. Христос и Сатана у них — братья. Бог, посылая их на землю, спросил: «Что вы будете делать?» Сатана ответил: «Я сделаю на земле рай», Христос же смиренно потупил глазки: «Как прикажешь». И Бог тогда послал на землю Христа, а Сатана обиделся.

Так или иначе, религиозная ситуация в Иране в начале III века нашей эры была довольно хаотической. Хаос этот еще более усугубился, когда на сцене появился новый пророк — Мани.

Мани родился в апреле или в мае 216 года в Северной Месопотамии¹¹. Селянинов убежденно называет Мани евреем, словно встречался с ним на улице и точно знает, что тот из Бердичева¹². На самом деле этот вопрос далеко не так ясен, как представляется Селянинову. Остается загадкой про-

¹¹ Puech, Henry-Charles. *Le Manichéisme*. — Paris, 1949. — P. 32, 34; Klima, O. *Manis Zeit und Leben*. — Prag, 1962. — S. 523.

¹² Селянинов, А. Тайная сила масонства. — СПб., 1911. — С. 159.

исхождение самого имени Мани, которое представляется не иранским, а арамейским, и действительно встречалось среди вавилонских евреев¹³. Мани говорил не на персидском, а на арамейском языке¹⁴, языке Иисуса, но не следует забывать, что арамейский язык был в Персии официальным канцелярским языком.

То негативное отношение к материальному миру, которое больше приписывается Мани, чем было на самом деле для него характерно, французский исследователь Пюш объясняет его физическим недостатком — хромотой¹⁵. Калеки, безусловно, люди с ущербной психикой. Более близкий пример — Байрон, о сатанизме которого мы еще будем говорить подробнее. «Наградив его красотой, судьба, точно в насмешку, дала ему физический недостаток, причинявший поэту немало внутренних страданий: одна нога его была несколько короче другой, и самолюбивый юноша горько чувствовал это уродство»¹⁶. В старину же к насмешкам прибавлялись еще и суеверия окружающих. Стоило Мефистофелю появиться в погребке Ауэрбаха в Лейпциге, как Зибель, подозрительно покосившись на него, сразу задал про себя вопрос: «Но отчего прихрамывает он?», — хотя мало ли от чего человек может прихрамывать, кому какое дело? По древней легенде, Дьявол повредил себе ногу, когда был свергнут Богом с небес. Как уверяет И. Ф. Бэлза в статье «Генеалогия “Мастера и Маргариты”», этот мотив хромоты Дьявола якобы развивает и М. Булгаков, ссылаясь при этом на сцену

¹³ Puech, H.Ch. Op. cit., p. 33.

¹⁴ Klima, O. Op. cit., p. 285.

¹⁵ Puech, H. Ch. Op. cit., p. 35.

¹⁶ Коган, П. С. Очерки по истории западноевропейской литературы. Т. 1. — М., 1934. — С. 250.

из главы 22, где Воланду последовательно растирают колено сначала Гелла, а потом Маргарита¹⁷. Однако этому утверждению противоречит то, что говорится в самой первой главе романа: одни из свидетелей рассказывали, что Воланд хромал на правую ногу, другие — что на левую. На самом деле, опровергает эти версии автор, Воланд ни на какую ногу не хромал.

Если не считать, как некоторые, что вся сцена из главы 22 разыграна исключительно ради испытания Маргариты, можно предположить иную этимологию, восходящую не к Гёте, а к Достоевскому. Воланд говорит: «Приближенные утверждают, что это ревматизм». Сам он то ли в шутку, то ли всерьез называет иную причину своей «болезни», но упоминание о ревматизме может быть и прямой реминесценцией разговора Черта с Иваном Карамазовым:

— Я вот такой ревматизм прошлого года схватил, что до сих пор вспоминаю.

— У черта ревматизм?

— Почему же и нет, если я иногда воплощаюсь. Воплощаюсь, так и принимаю последствия¹⁸.

Но вернемся к Мани, от которого мы несколько отвлечлись. Как насчет евреев неизвестно, но по материнской линии, как полагают, Мани находился в родстве с правившей тогда в Иране парфянской династии Аршакидов. Правда, через 10 лет после рождения Мани в Иране произошел переворот, и правящим народом вместо парфян снова стали персы, однако Мани сохранил связи со свергнутой династи-

¹⁷ Контекст 1978, с. 191.

¹⁸ Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 15. — М., 1976. — С. 74.

ей. В частности, в состав миссии, посланной им в Хорасан, входил парфянский принц Артабан¹⁹.

На формирование религиозных идей Мани большое влияние оказал его отец Патик, который первоначально, вероятно, был зороастрийцем, но потом вступил в какую-то секту явно гностического характера. Ее члены называли себя «чистыми», то есть точно так же, как средневековые катары. Другим их названием было «люди в белых одеждах»²⁰, столь любезных ныне сердцу В. Дудинцева.

Гностицизм является одной из самых больших загадок первых веков нашей эры. Остаются невыясненными ни его происхождение, ни пути распространения, ни связи с другими религиями. А. Дреус допускал ту возможность, что исходный путь гностического тайного учения следует искать в Индии. Он считал общим «для всех гностических сект дуализм бога и мира, духа и плоти, души и тела, жизни и смерти, вечного потустороннего царства добра и света и преходящего, посюстороннего царства тьмы и зла, — дуализм, соответствующий персидской противоположности Ормузда и Аримана», причем оба царства находятся в непрестанном антагонизме. Истинную сущность гностицизма он видел в идее искупления человека через познание Бога. Это, по его мнению, основная мысль всякой мистики, сообщавшая прежде всего индийской философии и религии их характерную окраску. Дреус говорил даже о «великой общевосточной тайной религии гностицизма»²¹.

¹⁹ Puech, H. Ch. Op. cit., p. 36–37.

²⁰ Ibid, p. 40.

²¹ Дреус, А. Происхождение христианства из гностицизма. — М., 1930. — С. 51–56.

По представлению гностиков, мощные силы духовности и добра представляются попавшими в роковую связь с силами материи и зла, из которой они, в конце концов, освобождаются при помощи родственных сил. Противоположностью божественному существу является злая материя. Космос как смесь материи с божественными искрами — плод деятельности второразрядного духа — демиурга, существа злого или посредственного²².

В гностическом апокрифе Иоанна демиург изображается в виде злого и уродливого существа по имени Ялдаваоф, идентичного библейскому Ягве и являющегося создателем материального мира и человека²³. Этот Ялдаваоф или Саваоф не знал, что есть другой, истинный Бог выше него. Он принимал сам себя за истинного бога²⁴.

Из гностических писаний термин «Иалдаваоф» заимствовал и Анатолий Франс. В его «Восстании ангелов» мятежный ангел Аркадий иначе своего противника и не называет. Он говорит: «Я верю в бога иудеев и христиан, но я отрицаю, что он сотворил мир. Он всего-навсего лишь привел в относительный порядок некоторую незначительную часть его, и все, до чего он коснулся, носит на себе печать его грубого и недалёковидного ума... Это, скорей, суетный и невежественный демиург, а не бог. Те, кто, подобно мне, познал его истинную природу, называют его Иалдаваоф»²⁵.

Конец ознакомительного фрагмента.

²² Гарнак, А. История догматов. Общая история европейской культуры. Т. 6. — С. 253.

²³ Ленцман, Я. А. Происхождение христианства. — С. 256.

²⁴ Retremont, S. Op. cit., p. 167.

²⁵ Франс, А. Восстание ангелов. — М., 1958. — С. 53.